ГОСУДАРСТВО И ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО: ПОЛИТИКА, ЭКОНОМИКА, ПРАВО

DOI: 10.17805/zpu.2025.2.12

Гримасы либеральной демократии: закат модели или провал инклюзивной консолидации?

Часть II

Р. Т. МУХАЕВ

*Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова,
Московский гуманитарный университет,*

Е. Е. ПРОКОПЕНКО,

Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова

В статье продолжен анализ причин, симптомов и форм проявления кризиса современной модели либеральной демократии, рассмотрены возможности ее адаптации к иным социокультурным и цивилизационным контекстам, определен потенциал нелиберальных форм демократического устройства. Опираясь на методологию сравнительного анализа, выявлены факторы реверсивности либеральной демократии, причины деградации ее институтов и вытеснения дискурса демократии из политической повестки первой половины XXI в. Раскрыты возможности «новых демократий» — альтернативных либеральной версии, их достоинства и недостатки, их способность оперативно отвечать на новые вызовы и угрозы. Анализ нелиберальных демократических практик складывающегося политического порядка позволяет сделать вывод, что эффективной моделью политического устройства является та форма демократии, которая релевантна национальным запросам конкретного общества, его культурному коду, обладает эффективным институциональным механизмом согласования и технологиями практической реализации нарастающего разнообразия интересов общества.

Ключевые слова: демократия; легитимность; представительность; либерализм; эффективность; политическая конкуренция; права человека; несвободные страны; индексы демократии; авторитаризм; реверсивность демократии

ПРИЧИНЫ, СИМПТОМЫ И ФОРМЫ ПРОЯВЛЕНИЯ КРИЗИСА СОВРЕМЕННОЙ МОДЕЛИ ЛИБЕРАЛЬНОЙ ДЕМОКРАТИИ

Общим местом многих исследований на Западе стали сомнения в способности современной версии либеральной демократии быть успешной в ситуации глобальных вызовов XXI в. Однако причины этого скепсиса, как и формы проявления реверса либеральной демократии, интерпретируются по-разному. Для того чтобы определить степень отката демократии от либеральных стандартов, необходимы индикаторы ее верификации.

По мнению авторитетной неправительственной организации Freedom House (США), идеальными стандартами либеральной демократии являются два индикатора: а) политические права (состязательность, оппозиция и участие) и б) гражданские свободы, которые оцениваются по семибалльной шкале, где 1 балл обозначает наибольшую степень свободы, а 7 — наименьшую. Страны, в среднем набравшие 2,5 или менее баллов по двум показателям, считаются «свободными»; те, чьи средние баллы составляют от 3 до 5,5, — «частично свободными»; а те, которые имеют более 5,5 баллов, — «несвободными» (Рейтинг стран мира по уровню политических ... : Электронный ресурс). В оценке зрелости современной либеральной демократии как политического режима финский политолог Т. Ванханен использует три индикатора: а) уровень политической конкуренции (процент голосов, полученных малыми партиями на парламентских выборах); б) степень участия (процент избирателей, явившихся на выборы); в) индекс демократии (произведение показателя политической конкуренции и показателя политического участия, деленное на 100) (Vanhanen, 1989: 33).

Оценивая современное состояние либеральной демократии на основе обозначенных маркеров, можно утверждать, что она переживает кризис. С этим согласны многие авторитетные ученые на Западе. Причины кризиса и формы его проявления обусловлены новыми социальными контекстами, говорящими о неспособности механизма либеральной демократии конвертировать нарастающее многообразие интересов в релевантный запрос большинства. Досрочные роспуски парламентов, частые отставки правительства свидетельствуют о кризисе институтов представительства интересов, отрыве действий правящих элит от запросов населения. Можно выделить несколько форм проявления кризиса современной либеральной демократии.

1. Потеря управляемости современного западного общества. Она стала следствием всевластия рыночных структур и господства крупных корпораций, которые неспособны эффективно функционировать без регулирующего воздействия государства. Конфликт между неолиберальным экономическим порядком и политической демократией привел к падению уровня жизни широких слоев населения, росту преступности, ксенофобии и конфликтности. Кроме того, неуправляемость социальных изменений обусловлена завышенными ожиданиями общества в отношении возможностей институтов «сервисного государства». Эти ожидания были сформированы действием закона растущих потребностей, результаты которого на Западе стали проявляться, начиная с 60–70-х гг. XX в. Первоначально эти ожидания стимулировались грабительской колониальной политикой западных стран, а затем — сменой технологических укладов, использованием дешевых энергоресурсов. Действие этих факторов способствовало росту уровня потребления и улучшению качества жизни населения западных стран. В начале XXI в. эти ресурсы были исчерпаны, однако претензии на «безграничное потребление» по-прежнему определяли смысл жизни западного обывателя.

2. Кризис легитимности государственной власти. Он проявляется в неспособности западных демократий адекватно ответить на новые вызовы и постоянно растущие ожидания граждан. Эту неспособность усугубил миграционный кризис, затронувший Европу, а затем и США, начиная с 2010 г. Он лег тяжелым бременем на плечи западного среднего класса. Стремясь получить сверхприбыль за счет дешевого труда мигрантов, западные бизнес-элиты стали активно привлекать мигран-

тов из стран Африки, Ближнего Востока, Латинской Америки. Однако большая часть мигрантов прибывала в западные страны не с целью поиска работы, а в расчете на получение социальных пособий. Для их выплат западные государства вынуждены были повышать налоги на бизнес и делать значительные внешние заимствования. Эти меры привели к «бегству капиталов» из национальных экономик и замедлению темпов экономического роста, высокой закредитованности населения и формированию «долговой экономики». Следствием этого стало падение уровня жизни и, как итог, растущее недоверие к институтам власти и частые правительственные кризисы.

3. Смена механизма легитимации политической власти. Для поддержания легитимности существующей власти в глазах обывателя западные элиты переносят акцент с материального потребления, некогда бывшего главным мерилем успеха и гарантией лояльности обывателя к власти, на развлечения и культивирование прогрессивных ценностей. Стремясь воздействовать на восприятия и ожидания масс, правящие элиты начали продвигать новую повестку, в основе которой лежат идеи разнообразия, равенства и открытости для всех. Благодаря интернет-площадкам, мессенджерам, социальным сетям, медиахолдинги превратили тему гендерных свобод и инклюзивных культурных практик в главный нарратив неolibеральной демократии. Используя технологии Soft Power («мягкой силы»), массмедиа и интернет-компании стали продвигать неolibеральную повестку, навязывая миру инклюзивные ценности и прогрессивные культурные практики как единственно референтные.

4. Пределы современной либеральной демократии. Они обусловлены объективным противоречием между *правовым* государством, декларирующим свободы и права человека, и *социальным* государством, призванным обеспечить социальную справедливость для всех. Развитие социальной демократии в 60–70-х гг. XX в. в странах Запада привело к сужению границ индивидуальной свободы за счет расширения сферы государственного регулирования и формирования коллективных действий. Появились новые социальные движения, НКО и НПО, могущественные бизнес-элиты, которые стали активно влиять на процесс принятия политических решений. Переход к информационному обществу, появление интернета, социальных сетей и, как следствие, медиасферы, радикально изменили политический ландшафт, сделав его сетевым. Государство потеряло монополию на власть и превратилось в менеджера, который был призван интегрировать действия бизнес-элит, медиакратии, военных, новых социальных движений на основе новых нарративов «зеленой повестки» и инклюзивных ценностей. Однако институты западной демократии оказались бессильны перед пандемией COVID-19, вызванной вирусом SARS-CoV-2, которая только в США унесла жизни более 20 млн человек. Кроме того, институты либеральной демократии оказались неэффективными в санкционной войне с Россией. Многочисленные рестрикции (их было более 30 тыс.), введенные США и ЕС начиная с 2014 г. в отместку за присоединение Крыма и Севастополя к России, обусловили резкое падение уровня жизни западного обывателя. Всплеск цен на сырье и энергоносители привел к резкому удорожанию продуктов и услуг для населения. С началом в феврале 2022 г. специальной военной операции России по денацификации и демилитаризации Украины западные санкции были многократно умножены. Однако рестрикции бумерангом ударили по широким слоям западного общества, чаяния которых были принесены в жертву корыстным

интересам западных политиков, финансистов, бизнес-элит, наживавшихся на военных заказах для Украины. Напротив, экономика России, перешедшая на мобилизационную модель развития, показала свою высокую эффективность. В этих условиях стало очевидным, что 30-летний период глобальной гегемонии США завершен. Ему на смену приходит многополярный миропорядок, в котором единство мира будет опираться на ценности свободы, справедливости, равенства и многообразии национальных культур.

5. Падение качества западных элит. С этим фактором некогда связывали выживаемость западных демократий. Парадокс либеральной демократии состоит в том, что имманентно она уже давно не представляет собой народовластие. На этот парадокс демократии обратили внимание американские политологи Т. Дай и Х. Цайглер: «Демократия — это власть народа, но ответственность за выживание демократии лежит на плечах элиты. Это — ирония демократии: элиты должны править мудро, чтобы “правление народа” выжило. Если бы выживание американской политической системы зависело от активности, информированности и просвещенности граждан, то демократия в Америке давно исчезла бы, ибо массы в Америке апатичны и дезинформированы и удивительно мало привержены демократическим ценностям... Но, к счастью для этих ценностей и для американской демократии, американские массы не ведут, они следуют за элитами...» (Dye, Zeigler, 1990: 2).

Однако если раньше западные демократии развивались благодаря тому, что элиты отражали запросы масс, то за последние десятилетия в либеральных демократиях резко упало качество элит, эгоцентризм которых породил антагонизм их интересов с запросами масс. Легально избранные лидеры на Западе уже не являются теми, кто принимает политические решения. Для обозначения действительных держателей власти в США с 2016 г. используется термин «deep state» («глубинное государство»), куда включают банкиров, представителей ВПК, кланы бывших политиков, руководителей крупных корпораций и медиахолдингов. Его установление означало, что коррозия подверглись все институты плюралистической демократии, по версии Р. Дая: 1) всеобщее избирательное право; 2) справедливо организованные выборы, исключающие всякое насилие и фальсификации; 3) высокая зависимость правительства от избирателей и результатов выборов; 4) право каждого участвовать в общественных делах; 5) надежная защита свободы выражать свое мнение, включая критику правительства, режима, общества, господствующей идеологии; зависимость принятия политических решений от воли избирателя; 6) наличие альтернативных и конкурирующих между собой источников информации и убеждений; 7) высокая степень свободы в создании автономных организаций и союзов, включая оппозиционные партии» (Даль, 2000). Теперь демократическим ценностям уже не привержена и сама элита.

«НОВЫЕ ДЕМОКРАТИИ»:

ПРОБЛЕМА ИНТЕРПРЕТАЦИИ И МАРКЕРЫ ВЕРИФИКАЦИИ

Современный кризис либеральной версии демократии вовсе не означает, что исчерпал себя сам запрос на демократию. Без ответа оставался вопрос: возможен ли демократический политический порядок в странах с нелиберальной культурой и неэмансипативными ценностями? До недавнего времени ответ на этот вопрос в западной науке был отрицательным и опирался на два аргумента. Во-первых, де-

мократия является «продуктом» западного общества, в котором правовое государство гарантирует свободу рыночной конкуренции и индивидуального развития, свободу слова и выражения мнений. Будучи провайдером общественных благ, государство на Западе распределяет их через механизм функционального разделения властей на законодательную, исполнительную, судебную. В незападных обществах подобная специализация авторитетов наталкивается на принцип монархии и наличие примордиальных, архаичных институтов, которые их отторгают. Во-вторых, как показала практика, попытки транзита базовых принципов либеральной демократии в незападные страны вовсе не означали их неотвратимой реализации в них. Необратимость демократических реформ должна опираться на иную «картину мира», ее ценности и модели поведения, которые позволяли бы индивиду приспособиться к демократии, рынку, конкуренции. В этом случае главной задачей для незападных обществ становится формирование и укоренение в сознании и поведении граждан ценностей индивидуальных свобод и прав человека.

Переход к демократии не обязательно должен следовать одному треку или быть единообразным в разных странах. К демократии ведут разные дороги, и на успешность ее транзита влияют разнообразные факторы. Одна из первых типологий факторов, влияющих на генезис демократии, была представлена в статье С. Липсета «Некоторые социальные предпосылки демократии: экономическое развитие и политическая легитимность» (Lipset, 1959: 69–105). По его мнению, решающее воздействие на успешный переход к демократии оказывает наличие четырех факторов. Это индустриализация, урбанизация, уровень образования населения, благосостояние (душевое потребление ВВП). Они создают благоприятные возможности для ее генезиса, однако вовсе не обуславливают ее необратимость. Гипотеза С. Липсета основана на допущении о том, что генезис и стабильность функционирования демократии зависят от уровня экономического развития страны. Длительный этап экономического роста обуславливает необратимость демократии, поскольку рост промышленности, городов и благосостояния открывает доступ широких слоев к образованию, снижает протестную активность неимущих классов. Кроме того, в богатых странах более равномерно распределяются доходы, что способствует формированию многочисленного среднего класса, который является ядром гражданского общества и социальной опорой демократии. В свою очередь, благоприятные социально-экономические условия, рост уровня жизни обеспечивают стабильность политической системы как институционального фактора эффективности и легитимности режима. Опыт транзита демократии в странах Западной Европы в 60–70-х гг. XX в. подтвердил гипотезу С. Липсета.

Новый всплеск научного интереса к проблеме вариативности моделей демократии, их генезиса и механизмов функционирования в 90-е гг. XX в. был вызван рядом обстоятельств. Прежде всего, произошел распад «советского блока», который вызвал антитоталитарные революции в странах Восточной Европы. Во-вторых, в первой четверти XXI в. неудачей обернулись попытки ненасильственной смены политических режимов с помощью технологии Soft Power в ряде стран СНГ и Ближнего Востока, инспирированных США с целью продвижения либеральной демократии. Наконец, кризис нелиберальной модели демократии в самих США в первой четверти XXI в. заставил научное сообщество обратиться к переосмыслению генезиса институтов, практик и механизмов демократий третьей волны, возникших в 70–90-х гг. XX в. По версии С. Хантингтона, демократические режимы

в странах Южной Европы, Латинской Америки, Азии, Восточной Европы и государства СНГ возникли в результате переноса западной либеральной модели. Процесс транзита либеральных ценностей, норм и институтов в страны, в которых отсутствовали внутренние предпосылки для их адекватной имплементации, априори носил волнообразный процесс с далеко неочевидными результатами (Хантингтон, 2003: 367). Это было закономерно, поскольку транзит демократии в странах имел иную логику и траекторию, обусловленные, в том числе, укладом экономики, типом общества, структурой политических институтов и набором ценностей.

Специфику режимов «новых демократий» можно выявить через сравнение их с западными моделями демократии (англосаксонской и европейской), которые различались набором факторов, гарантирующих устойчивость демократии и эффективностью функционирования ее институтов.

Во-первых, к демократии могут вести множество дорог, но решающее значение имеют экономические, социальные, политические и культурные предпосылки, которые присутствовали в странах Запада и отсутствовали в государствах третьей волны демократизации. Вектор причинной обусловленности был задан тем, что «демократия возможна и наиболее вероятна в индустриально развитых странах с рыночной экономикой, сглаженным социальным неравенством и низким уровнем конфликтности, с многочисленным средним классом и влиятельной рыночной буржуазией, партиями, движениями и группами интересов, т. е. политическим плюрализмом» (Липсет, Сен, Торрес, 2003: 24). Однако, как показала практика, факторы, гарантирующие устойчивость демократии, могут располагаться в обратном направлении — от политических к экономическим.

Во-вторых, зарождение и функционирование западной демократии опирались на либеральную традицию, которая проповедовала верховенство индивидуальных свобод, лояльность закону и государству. Она вызревала внутри капитализма на основе протестантской этики, в которой успешность любой полезной деятельности человека трактовалась как свидетельство его богоизбранности, а постоянное его совершенствование в своей специальности понималось как моральный долг перед Богом. Режимы же «новых демократий» не знали принципа «честной наживы», автономии личности и формировались под влиянием внешних факторов путем заимствования западных институтов и практик. Главным заинтересованным лицом и бенефициаром этого процесса выступали США, для которых стратегия продвижение демократии стала идейной основой их глобального лидерства.

В-третьих, перенос западных институтов (выборы, партии, органы власти) в традиционные общества вовсе не гарантирует их успешного функционирования в новой среде. Наряду с *либерализацией* и *демократизацией* сфер жизни общества важным этапом демократического транзита выступает *консолидация* демократии как процесс утверждения эмансипативных ценностей в сознании индивида. Однако применительно к странам Юго-Восточной Азии и Латинской Америки нарратив о том, что вектор причинной обусловленности демократии всегда направлен от экономических и социальных факторов к политическим, оказался несостоятельным. Первые попытки транзита в них институтов либеральной демократии в 60–70-х гг. XX в. натолкнулись на их отторжение населением в силу его приверженности традициям и религии. В незападных странах вектор причинной обусловленности демократии шел от убеждений и позиций к действиям. В странах, где отсутствует разделение властей и гражданское общество, на процесс распростране-

ния демократии существенно влияет скорость, с которой демократические ценности и принципы укореняются в сознании людей. Эффективность институтов демократии в незападных (традиционных) обществах в решающей мере зависит от их способности обеспечить системную интеграцию различных групп в политический процесс на макроуровне на основе принципов общей реципрокности (равенства граждан перед законом, признания прав и свобод индивида) с сохранением норм и ценностей автохтонной культуры для коммуникации на микроуровне.

В-четвертых, специфика транзита демократии в странах Юго-Восточной Азии и Латинской Америки выражалась в том, что в них часто экономическую и технологическую модернизацию, высокие темпы роста национальной экономики обеспечивали авторитарные режимы (военные и гражданские диктатуры). Они были той силой, которая примеряла антагонизм интересов в обществах, расколотых на правящее меньшинство, владевшее всеми природными и материальными богатствами нации, и подвластным большинством, прозябавшим в нищете. Отсутствие среднего класса порождало высокую степень антагонизма этих групп. Именно военные оказывались в состоянии запустить экономическую модернизацию и осуществить перераспределение ресурсов нации. Однако военные диктатуры не имели широкой общественной поддержки, а потому век их существования часто был недолгим. Лишь либерализация общественных отношений в этих странах, демократизация политических норм и институтов, изменение правил игры могли привести их к экономическому росту и более справедливому распределению общественных благ.

В-пятых, первоначально инвазии институтов и норм демократии в незападные страны способствовала глобализация, которая была призвана перенести в них опыт и институты развитых демократий. Интегрируя большое число стран мира в единое экономическое, технологическое, информационное пространство, глобализация создавала благоприятные условия для их перехода от авторитаризма к демократии. Благодаря аккумуляции ресурсов и их адресному перераспределению, экономическая глобализация создала условия для заметного роста уровня жизни населения стран глобального Юга. Политическая глобализация выработала единые стандарты прав и свобод человека, обеспечив контроль за их соблюдением со стороны международных институтов. Распространение демократических ценностей и усвоение их широкими массами обеспечила культурная глобализация, используя для этого современные СМИ. Улучшение условий и рост качества жизни, произошедшие под влиянием глобализации, напрямую влияли на выбор людей, увеличивая число демократических стран.

В-шестых, глобализация как процесс слияния экономической, политической и культурной жизни разных стран, открывающий доступ к мировым рынкам и культурному обмену, функционирует на основе жесткой конкуренции. Экономика стран третьей волны была не готова к этой борьбе, что создало серьезные препятствия на пути консолидации демократии в них. Главными бенефициарами глобализации, которые пользовались ее плодами в своих интересах, были развитые страны во главе с США. Для вхождения в глобальный рынок странам «новых демократий» необходимо было модернизировать экономику и поменять ее структуру, что неизбежно отражалось на социальной и политической сферах жизни общества. Государства Латинской Америки и Юго-Восточной Азии выбрали разные стратегии вхождения в мировую экономику. Страны Юго-Восточной Азии использовали стратегию экспортной ориентации национальной экономики. На первых порах она

предусматривала известные лишения для населения, но затем, благодаря новым технологиям, экономический рост открывал возможности социального благополучия и культурного развития. Однако чрезвычайно быстрый рост экономик стран Юго-Восточной Азии в начале 90-х гг. XX в. сменился финансовым кризисом 1997 г., приведшим к падению экономики, росту государственного долга и политическим отставкам. Страны Латинской Америки в начале 90-х гг. XX в. активно проводили неоллиберальные реформы, которые вначале оживили экономику, снизили безработицу, сократили инфляцию. Однако к исходу 90-х гг. XX в. стратегия сырьевой ориентации этих «экспортных» стран в глобальной экономике и зависимость их от США стали причиной резкого роста внешней задолженности, доля которой в ВВП этих стран составляла более 50%. За счет экспорта дешевых товаров из КНР вырос дефицит торгового баланса и, как следствие, замедление темпов экономического развития, приведшее к падению уровня жизни. Эти факторы запустили реверс демократической волны в этих странах. Симптомами стали рост доли гибридных демократий, политика которых вызывала недовольство населения.

В периоды кризисов в целях сохранения своей власти правящие элиты стран «новых демократий» проводили политику ограничения политических свобод и сокращения социальных программ, оправдывая это необходимостью повышения конкурентоспособности национальных экономик своих стран. Эти меры активировали в общественном сознании стран «новых демократий» ценности выживания и утилитарные мотивы поддержки демократии. Преобладание утилитарных ценностей в структуре сознания большинства населения стран третьей волны (Аргентина, Мексика, Венесуэла) является одной из причин укоренения в них форм нелиберальной демократии. Живучесть утилитарных политических ориентаций в странах «новой демократии» исторически подпитывалось преобладанием в структуре сознания общества и личности примордиальных и коллективных ориентаций, а не ценностей индивидуальной свободы.

В-седьмых, справедливости ради следует признать, что в культурной матрице любого незападного общества существуют формы культурного плюрализма, включающие как групповые, так и индивидуальные ценности. Например, духовным фактором экономического роста, мотивирующим активность в странах Юго-Восточной Азии стало *конфуцианство*, которое проповедует приверженность групповым и иерархическим ценностям и нормам. Напротив, *буддизм* провозглашает приоритет индивидуального начала, утверждает веру в то, что человек своими усилиями может сделать себя «благородным существом». Успех демократического транзита зависит от стратегии модернизации, которую выбирают правящие элиты, и учета ими культурного кода общества.

В-восьмых, парадоксально, но факт, проведение правящими элитами стран «новых демократий» либеральных реформ в экономике, перенос институциональной структуры западных демократий, закрепление демократических прав и свобод еще не гарантируют установления либеральных демократий. На практике в странах третьей волны были учреждены квазидемократические, гибридные режимы в форме диктобланды и демокрадуры, которые сочетают элементы демократии и автократии. Конфигурация этих режимов определяется наличием экономических, политических и культурных предпосылок демократического транзита и стратегиями конструирования политического порядка в странах «новых демократии». В условиях формирующегося полицентричного мироустройства сценарии будущего раз-

вития «новых демократий» во многом связаны со стратегиями их геополитического позиционирования, участием в союзах и коалициях, которые открывают возможности для их устойчивого социально-экономического развития.

ЛАТИНОАМЕРИКАНСКАЯ МОДЕЛЬ ДЕМОКРАТИИ

Как показала практика, концепт демократии обладает высокой адаптивной способностью. Он может развиваться даже в цивилизациях и культурах, где групповые, корпоративные интересы ставятся выше запросов отдельного индивида. Одной из форм гибридного политического режима является модель «делегативной демократии». В ней большинство полномочий передается исполнительной власти, которая на практике не ограничена и не подотчетна другим ветвям власти. Автором модели является аргентинский политолог Г. О'Доннелл. Его модель была сконструирована на основе анализа опыта демократизации в государствах Латинской Америки, посткоммунистических странах Восточной Европы и в Южной Корее (О'Доннелл, 1994: 16).

Вслед за Южной Европой (Испанией и Португалией) с начала 80-х гг. XX в. третья волна демократизации постепенно охватила и Латинскую Америку. Наличие общих черт государств Латинской Америки со странами Южной Европы (принадлежность к среднеразвитому капитализму, общее иберийское происхождение, схожая католическая культура) вовсе не означало реализации схожего сценария перехода от авторитаризма к демократии в этом регионе. Транзит демократии в них носил более противоречивый и реверсивный характер. По сравнению со странами Южной Европы многие режимы в Латинской Америке до сих пор далеки от устойчивых полиархий западного образца, где политические роли разделены и закреплены за институтами. Политические режимы, сложившиеся в этих странах, Г. О'Доннелл назвал «делегативными демократиями», т. е. демократиями, в которых процесс принятия политических решений и формирование воли большинства населения с помощью справедливых выборов, равный доступ к власти не институционализированы (там же: 185).

По сравнению с моделями западной представительной демократии политический процесс в делегативных демократиях иначе организован, имеет иной механизм артикуляции интересов и алгоритм принятия решений.

Во-первых, механизм артикуляции воли большинства в делегативных демократиях не позволяет относить их к представительным демократиям: они и сами не стремятся быть таковыми. Несмотря на это, в странах с таким режимом существуют институты, аналогичные либеральным демократиям: парламент, суд, избирательное право, тайное голосование; выборность власти; партийная система и т. д. Однако эти демократические институты не всегда бывают жизнеспособными в условиях резкой поляризации политических сил, разрыва в уровне жизни разных групп, безработицы, разгула преступности, коррупции, доставшихся от предыдущих автократий.

Во-вторых, отсутствие специализации ролей и функций в деятельности властных институтов сокращает предсказуемость принимаемых ими решений и, как следствие, порождает недоверие к власти. Для режимов делегативной модели по сравнению с моделью представительной демократии характерна незрелость институтов парламентаризма, выражающаяся, в том числе, в низкой ответственности депутатов за результаты своей деятельности.

В-третьих, слабость институтов парламентского контроля и каналов подотчетности властей обществу в системе делегативной демократии является причиной частых коррупционных скандалов, военных переворотов. Напротив, в системе западной плюралистической демократии, например США, существует четкое разделение властей и их подотчетность. Так, подотчетность президента реализуется как по вертикали — перед избирателями, так и по горизонтали — перед парламентом и судебной властью, которые могут поставить вопрос об эффективности деятельности президента и даже подвергнуть его импичменту.

В-четвертых, главным действующим лицом в механизме делегативной демократии является президент. В целях оперативного решения назревших проблем он наделен значительными полномочиями, которые стремится всякий раз расширить в период своего правления. После выборов властные prerogatives президента ограничивают лишь два фактора: срок его полномочий и баланс сил в политическом классе. Благодаря пирамидальной конфигурации власти, делегативные демократии могут быть временами довольно устойчивыми, хотя они не застрахованы от кризисов и установления автократий.

В-пятых, специфика вектора причинной обусловленности демократии в странах Латинской Америки состоит в том, что он идет в направлении от консолидации демократии — к либерализации экономики и демократизации властных институтов. Консолидация демократии как процесс укоренения в сознании индивидов демократических ценностей и установок играет здесь ключевую роль. Принятие этих норм, опривычивание действий на их основе сокращают пространство неопределенности в осуществлении ролей и функций институтов и повышают предсказуемость принимаемых решений на основе отношений конкуренции и сотрудничества. По мнению Ф. Шмиттера, несоответствие ожиданий масс и результатов деятельности институтов порождает общее разочарование результатами режимов в странах «новой демократии» (Шмиттер, 2015: 33).

Действительно, после свержения авторитарного режима у реформаторов возникает потребность в создании системы ценностей и норм, которая бы выступала собственной основой функционирования демократии. Устойчивое развитие страны невозможно без консолидации демократии, благодаря которой происходит институционализация новых политических отношений, гарантирующих стабильное функционирование демократических структур. Но главное назначение консолидации состоит в том, что она призвана обеспечить усвоение и укоренение ценностей и норм либерального демократического порядка в сознании субъектов путем их инвазии. В этом случае возникает проблема разрыва внутри процесса консолидации между *переходом* к демократии и *укоренением* норм демократии в сознании элит и масс. Если в процессе демократизации режима «организуются основные институты нового порядка, они начинают работать и взаимодействовать согласно новым правилам игры», то консолидация требует «институционализации новых норм и структур режима, расширения их легитимации и устранения препятствий, которые на первоначальных этапах делают их установление трудным» (O'Donnell, Schmitter, 1986: 190). Задача консолидации демократии заключается том, чтобы обеспечить достижение широкой и глубокой легитимации режима, при которой как элиты, так и массы глубоко верят в то, что демократия по сравнению с иными возможными альтернативами является лучшим порядком для их общества, который они могут себе представить. Главными препятствиями на пути консолидации

демократии в странах третьей волны, по мнению Г. Алмонда и С. Верба, являются: низкий общественный запрос на политическую свободу, политический абсентеизм, подданническая политическая культура, сформированные за долгий период существования авторитарных режимов (Алмонд, Верба, 2024: 550). Парадокс «новых демократий» в Латинской Америке состоит в том, что основные атрибуты классических либеральных демократий, институционально закрепленные на протяжении нескольких десятилетий, не обеспечили консолидацию «новых демократий». Иначе говоря, в глазах элит и общества идеалы демократии так и не стали главными ценностями, в которые они верят и которые они готовы отстаивать.

В-шестых, основной причиной, определяющей гибридный характер современного политического режима в странах Латинской Америки, является особый тип политической культуры, формировавшийся на стыке трех цивилизационно-культурных потоков — местного, автохтонного (индейского) и двух экзогенных — европейского и африканского. В основе межкультурного взаимодействия, сформировавшего культурный код латиноамериканской цивилизации, лежит европейская культура, представленная иберийской цивилизацией, которая опирается на догматы католицизма. Она сыграла определяющую роль в конструировании политического порядка и латиноамериканской идентичности. Ценности иберийской цивилизации сформировали модель общественного устройства, где отсутствует четкое разграничение частной и публичной жизни. Главную роль в жизни общества играет государство, а государственное вмешательство в лице громоздкого и разветвленного бюрократического аппарата во все сферы общественной жизни является нормой. Несмотря на устойчивость авторитарных традиций в странах Латинской Америки, делегативные демократии в них подвержены изменениям. Они вызваны сменой технологического уклада информационно-коммуникативной революцией, что приводит к трансформациям в культурном коде иберийской цивилизации. Делегативная демократия, основанная на иберийской культуре, имеет свои достоинства: универсализм; открытость; относительность и вторичность ценности власти; подотчетность правителей высшему, сакральному порядку бытия, необходимость обязательной легитимации их власти; личная автономия индивида и связанная с ней демократическая традиция, развивавшаяся вопреки королевскому деспотизму, бюрократическому произволу, корпоративистским ограничениям. Эти черты иберийско-католической культуры, присущие странам Латинской Америки, влияют на формирование представлений электората о суверенном формате демократического устройства.

АЗИАТСКАЯ МОДЕЛЬ «НОВОЙ ДЕМОКРАТИИ»

Демократизация третьей волны в азиатских странах — Южной Корее, Тайване, Сингапуре — имела свои специфические черты. Во-первых, на момент начала политических реформ все три государства имели общие стартовые условия: авторитарно-патерналистский стиль руководства и конфуцианско-буддистскую культуру. Во-вторых, решающее влияние на реформаторскую деятельность всех трех стран после Второй мировой войны оказывали США. В-третьих, в отличие от большинства южноамериканских стран, Южная Корея, Тайвань, Сингапур переживали период длительного экономического подъема в 1980-е гг. Экономический рост, низкий уровень инфляции и безработицы, урбанизация, свободный доступ к качественному образованию, появление многочисленной прослойки среднего

класса — все эти факторы способствовали либерализации политической жизни в этих азиатских государствах. Схожесть процесса демократизации в Южной Корее, Тайване и Сингапуре позволяет не рассматривать каждую страну отдельно, а ограничиться анализом одной из них, на примере которой можно выделить типичные черты азиатской модели демократизации для этого региона. В качестве такого примера рассмотрим демократический транзит Южной Кореи, что позволит экстраполировать его результаты на другие государства Азиатского региона.

Новейшая история Республики Корея характеризуется установлением авторитаризма, где гражданские диктатуры чередовались с военными режимами. Первым президентом Кореи был Ли Сын Мана, бессменно правивший страной в период 1948–1960 гг. В Корее был установлен авторитарный режим, подавлявший гражданские свободы, инакомыслие, пышным цветом расцветала коррупция. В 1961 г. в результате военного переворота к власти пришел генерал Пак Чон Хи, установивший в Корее военную диктатуру, которая просуществовала вплоть до 1979 г. 12 октября 1979 г. в результате заговора он был убит, к власти пришел генерал Чон Ду Хван. Под давлением студенческого движения диктатор был вынужден объявить о начале масштабных реформ по демократизации режима.

Процесс перехода к демократии в Корее, начавшийся в 1988 г., имел свою логику и факторы, которые обеспечивали ее транзит и консолидацию.

Во-первых, транзит демократии проводился *сверху*: его осуществляли авторитарные лидеры под давлением *снизу* — со стороны рабочих, студентов, представителей церкви, которые требовали демократических перемен.

В условиях отсутствия ряда внутренних факторов модернизации (низкий уровень технологического развития, аграрный характер экономики, низкий уровень образования населения) модернизация различных сторон жизни общества осуществляется авторитарным режимом в рамках модели форсированной модернизации. До индустриализации большую часть населения Кореи составляли крестьяне, проживавшие в деревнях и опиравшиеся на конфуцианские традиционные ценности. Они предписывали им приверженность иерархии, сильной власти, и как следствие, требовали позитивно относиться к авторитаризму, который воплощал эти ценности в жизнь. В период модернизации именно авторитаризм позволял концентрировать все наличные ресурсы и направлять их на достижение поставленных целей. Чрезмерное государственное регулирование экономики было вызвано необходимостью концентрации производства и приоритетного распределения государственных ресурсов в пользу крупных корпораций — чеболей, бывших «локомотивом» экономики Кореи и патронируемых государством (Pettis, 2010: 92). Однако авторитарные методы модернизации, широко использовавшие государственное вмешательство в экономику, со временем становились тормозом на пути ее развития, поскольку ограничивали рыночную конкуренцию.

Во-вторых, вектор причинной обусловленности демократии в Корее имел иную логику, нежели в странах Латинской Америки, и двигался от экономических и социальных факторов к политическим. Первоначально в рамках авторитарного режима был достигнут быстрый экономический рост, позволивший создать собственное промышленное производство с нуля.

Экспортная ориентация экономики и необходимость сохранения в ней лидирующей позиции на мировом рынке вынуждали авторитарный режим проводить реформы в сфере социального обеспечения граждан и повышения уровня жизни на-

селения. Эти реформы на время сняли политическую напряженность, предотвратили причины возникновения социальных конфликтов, забастовок рабочих, остановок производства и проблем в экономике. Экономический рост и социальная модернизация способствовали образованию среднего класса в Республике Корея, который стал активным участником политической жизни страны (The Gwangju uprising, 1980: Электронный ресурс). Вслед за этим произошла либерализация политической жизни: был открыт доступ в элиту новых групп, легализована оппозиция. Либерализация коснулась и культурной сферы. Все это привело к распространению христианства и сокращению зоны влияния традиционных течений (буддизма и восточного шаманизма) (Bedeski, 1994: 208). Следует отметить, особую роль США в экономической и политической модернизации Республики Корея, которые выступали гарантом ее безопасности в условиях раскола корейского полуострова на социалистический Север и капиталистический Юг.

В-третьих, драйвером политических перемен в Корее стало демократическое движение. Трансформация экономики в начале 1980-х гг. и появление новых классов в Корее привели к падению легитимности авторитарного режима Чон Ду Хвана. Для сохранения режима личной власти и повышения легитимности Чон Ду Хван в 1985 г. согласился на проведение прямых выборов главы государства, которые проиграл оппозиции во главе с Ким Дэ Чжуном и Ким Ён Самом. Не согласившись с итогами выборов, Чон Ду Хван объявил своим преемником Ро Дэ У, чем вызвал резкий подъем демократического движения, которое объединило рабочих, студентов и духовенство, требовавших демократизации страны. Переломным моментом для демократии в Республике Корея стал 1987 г., когда к движению за демократию примкнули представители среднего класса. Демократическое движение было поддержано политической элитой. Переход к демократии в Республике Корея совершился мирным путем в результате всеобщих выборов президента в феврале 1993 г.

В-третьих, важную роль в трансформации авторитарного режима сыграло студенческое движение. Демонстрации студентов начались 10 июня 1987 г., в тот момент, когда Ро Дэ У был выдвинут кандидатом в президенты от Народной партии справедливости (Democratic Justice Party). Студенческие волнения прокатились по всей стране, включив в свою орбиту 22 города, где демонстрантов поддержали 240 тыс. горожан. Демократическое движение достигло своей цели, оно заставило власть считаться с мнением общества. В 1987 г. под давлением демонстрантов президент Ро Дэ У выступил с Декларацией 29 июня, которая стала манифестом демократических перемен. В ней он провозгласил программу демократизации авторитарного режима Чон Ду Хвана, предложив программу из восьми следующих пунктов: 1) внести поправки в конституцию, создающие основы для перехода к прямым выборам президента; 2) внести поправки в закон о президентских выборах, гарантирующие возможности для конкуренции кандидатов и их свободный доступ к ним; 3) провести амнистию политических заключенных; 4) осуществить расширение прав личности, включая защиту человеческого достоинства и неприкосновенность личности; 5) ввести свободу прессы и отменить Основной закон о прессе (Basic Press Law); 6) расширить местную автономию и автономию университетов; 7) изменить политический климат в стране с опорой на диалог и компромиссы; 8) провести существенные социальные реформы. Уже в 1988 г. в парламент вошли оппозиционные партии, деятельность которых была запрещена в годы правления Чон Ду Хвана.

В-четвертых, важным фактором демократических перемен стало христианство, которое быстро распространялось в Республике Корея. Обусловленность демократии западным христианством отмечал С. Хантингтон, который рассматривал его в качестве предпосылки демократизации. По его мнению, либеральная демократия наиболее интенсивно развивалась в христианских странах. К 1988 г. католическая и/или протестантская религия доминировала в 39 из 46 демократических стран. Эти 39 демократических государств составляли 57% от общего числа (68) стран, являвшихся преимущественно западнохристианскими. Напротив, только 7 стран (12%) из 58, где преобладали другие религии, были демократическими. Особенно редко встречалась демократия в мусульманских, буддистских или конфуцианских странах (Хантингтон, 2003: 34). В конце Второй мировой войны основными религиями в Корее были буддизм и конфуцианство. Христиане составляли всего 1% населения. Однако в середине 1980-х гг. уже 25% населения Кореи были христианами: из них 4/5 были протестантами, главным образом пресвитерианами, а 1/5 — католиками. В христианство в основном переходили молодые городские жители, принадлежавшие к среднему классу. Мотивы их обращения объяснялись глубокими социально-экономическими переменами, которые происходили в Корее. Христианство представляло более надежные доктринальные и институциональные основы для сопротивления политическим репрессиям. На смену конфуцианскому авторитаризму и буддийской пассивности пришла христианская воинственность.

В 1974 г. пять корейских епископов вывели 5000 католиков на первую крупную демонстрацию против режима военного положения, введенного президентом Пак Чхон Хи. В 1986 и 1987 гг. кардинал Ким и католические лидеры вместе с Национальным церковным советом — главной организацией протестантов — решительно поддержали кампанию оппозиции за прямые выборы президента. В конфликте с правительством церкви и соборы стали институциональной основой борьбы за справедливость и права человека в борьбе за публичное пространство для инакомыслящих и инаковерующих. Символическим местом встреч политических диссидентов стал Собор Мёндон в Сеуле. В важную часть антиправительственной оппозиции превратились религиозные организации (Римско-католическая ассоциация молодых рабочих-католиков, Городская промышленная миссия и протестантские пасторы), которые противостояли авторитарному режиму Пак Чхон Хи. В известном смысле Корея оспорила нарратив М. Вебера о зависимости экономического развития от типа религиозного верования. В этом случае, наоборот: экономическое развитие стимулировало экспансию христианства, а главной силой в переходе к демократии в 1987–1988 гг. стали христианские церкви, их лидеры и верующие. Распространение христианства и процесс урбанизации трансформировали корейское общество (Миронова, 2024: 143–154).

В-пятых, на развитие демократии в Корее существенное влияние оказывали внешние силы. Ключевым внешним игроком в процессе перехода к демократии были Соединенные Штаты и администрация Рональда Рейгана, которая оказывала финансовую и технологическую помощь, создала гарантии безопасности демократическим процессам в Южной Корее. В 1987 г., когда Шестая республика начала свой путь демократических преобразований под руководством Ро Дэ У, произошло «экономическое чудо». А 25 февраля 1993 г. произошло «политическое чудо» — приход к власти Ким Ён Сама, первого президента, за которым не стояла поддержка военных.

Однако вряд ли можно считать корейскую демократию аналогом модели полиархии западного типа.

Во-первых, в Республике Корея остается низким уровень свободы прессы и свободы в интернете. Согласно отчету Freedom House за 2024 г., уровень свободы прессы оценивается в 64,8 балла (Уровень свободы прессы ... , 2024: Электронный ресурс), а индекс свободы в интернете — 68 баллов (Рейтинг свободы интернета, 2024: Электронный ресурс), что характерно для «частично свободных государств».

Во-вторых, важной приметой южнокорейского общества является всепоглощающий государственный контроль. Роль государства обнаруживается везде: в частном бизнесе и в личных отношениях (Корейские чеболи: Электронный ресурс). При наличии демократических институтов в Корея остаются особые формы корпоративности, групповой идентичности и государственного патернализма. Клановая структура корейского общества воспроизводит условия для политической коррупции, которая является причиной частых правительственных кризисов.

В-третьих, перечень полномочий, закрепленных в Конституции за президентом Республики Корея, позволяет отнести ее режим к классической «делегативной демократии», в которой главным носителем власти выступает президент. Поправки, внесенные в Конституцию 1987 г., предоставили главе государства широкие полномочия: он назначает премьер-министра и министров; является верховным главнокомандующим, назначает всех верховных судей (Конституция Республики Корея: Электронный ресурс). Практически вся политическая жизнь в Южной Корея находится под контролем президента. Тем самым можно утверждать, что конституционная модель президентства в Южной Корея легитимизировала режим личной власти. Однако в самом корейском обществе сформировался устойчивый нарратив нетерпимости к злоупотреблению властью и фактам политической коррупции со стороны президента и министров. Так, 3 декабря 2024 г. для победы над оппозицией в парламенте и сохранения своей власти президент страны Юн Сок Ёль объявил чрезвычайное военное положение и отправил войска и спецназ блокировать парламент. В ответ парламент отстранил президента от власти и отправил под арест. Противостояние главы государства и парламента, где большинство принадлежит оппозиции, часто заканчивается в Корея кризисами. Это говорит о необходимости выработки механизма баланса властей и создания эффективного механизма борьбы с коррупцией и узурпацией власти.

В-четвертых, сохраняются рецидивы холодной войны, ограничивающие свободу прессы и препятствующие межкорейскому диалогу. Так, действующий с 1948 г. Закон о государственной безопасности определяет Северную Корею как «антигосударственную организацию» и запрещает публикацию объективной информации о ней. Эта норма используется для произвольного преследования отдельных лиц и групп, критикующих действия правительства. Попытка же выезда граждан без разрешения властей Республики Корея на территорию КНДР карается тюремным заключением сроком до 10 лет.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ зарождения и эволюции либеральной демократии показал, что в условиях нарастающего социокультурного разнообразия, смены технологических укладов, нарастания миграционных волн и кризиса идентичности классическая мо-

дель либеральной демократии достигла пределов своих возможностей. В условиях нарастания новых вызовов ее неолиберальная версия не обнаружила свою эффективность. Уроки современной либеральной демократии говорят о том, что институты управления должны опережающим образом реагировать на постоянно растущие потребности населения, интересы правящих элит не должны отрываться от актуальных запросов общества.

Несмотря на это, сам концепт демократии не перестал быть актуальным, он обладает высокой адаптивностью к различным культурным средам. Привлекательность демократических ценностей в мире позволила им практически реализоваться в альтернативных моделях нелиберальной демократии, которые существенно отличаются от классической, но обладают большим мобилизационным потенциалом. Анализ нелиберальных демократических практик складывающегося политического порядка позволяет сделать вывод, что эффективной моделью политического устройства является та форма демократии, которая релевантна национальным запросам конкретного общества, его культурному коду, обладает эффективным институциональным механизмом согласования и технологиями практической реализации нарастающего разнообразия интересов общества. Таким примером может быть, в том числе, российская модель демократии, которая представляет собой самобытную версию демократии, альтернативную либеральной. Ее успешное развитие задает новые смыслы и институциональные формы, учитывающие цивилизационные и культурные коды, сложившиеся эпистемы российского общества, органично вписывающиеся в современную реальность. Институциональная модель российской демократии гармонично сочетает принципы представительности интересов разных групп общества с эффективной структурой институтов президентской и исполнительной властей, способных улавливать и эффективно реагировать на действие локальных и глобальных трендов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Конституция Республики Корея [Электронный ресурс]. URL: <https://vseokoree.com/vse-okoree/zakony-i-normativnye-pravovye-akty/konstituciya-respubliki-koreya> (дата обращения: 11.05.2025).

Алмонд, Г., Верба, С. (2024) Гражданская культура: политические установки и демократия в пяти странах. М.: Мысль. 550 с.

Даль, Р. О демократии (2000) / пер. А. С. Богдановского. М.: Аспект-Пресс. 204 с.

Корейские чеболи [Электронный ресурс]. URL: <http://mojseul.ru/kompanii/chebol-v-koree.html> (дата обращения: 11.05.2025).

Липсет, С. М., Сен, К.-П., Торрес, Д. Ч. (1993) Сравнительный анализ социальных условий, необходимых для становления демократии // Международный журнал социальных наук. № 3. Сравнительная политология. С. 5–33.

Миронова, Т. Н. (2024) Особенности культурной политики Республики Корея // Знание. Понимание. Умение. № 2. С. 143–154.

О’Доннелл, Г. Делегативная демократия (1994) // Век XX и мир. № 7–8.

Рейтинг свободы интернета (2024) [Электронный ресурс]. URL: <https://gtmarket.ru/ratings/freedom-on-the-net> (дата обращения: 11.05.2025).

Рейтинг стран мира по уровню политических и гражданских свобод [Электронный ресурс]. URL: <https://gtmarket.ru/ratings/freedom-in-the-world> (дата обращения: 11.05.2025).

Уровень свободы прессы (2024) [Электронный ресурс]. URL: <https://statbase.ru/datasets/indexes-and-ratings/press-freedom-index/> (дата обращения: 11.05.2025).

Хантингтон, С. (2003) Третья волна демократизации в конце XX в. М.: РОССПЭН. 367 с.

Шмиттер, Ф. (2015) Процесс демократического транзита и консолидация демократии // Полис: Политические исследования. № 5. С. 30–51.

Bedeski, R. E. (1994) *The transformation of South Korea. Reform and reconstitution in the six Republic under Roh Tae Woo, 1987–1992.* 208 с.

Dye, T., Zeigler, H. (1990) *The Irony of Democracy.* Bolmont. 432 p. P. 2.

Lipset, S. M. (1959) Some social requisites of democracy: Economic development of political legitimacy // *American political science revue.* Vol. 53. № 1. P. 69–105.

O'Donnell, G., Schmitter, Ph. (1986) *Transitions from Authoritari an Rule.* JHU Press. 256 p.

Pettis, M. (2010) *The Volatility Machine: Emerging Economies and the Threat of Financial Collapse.* Oxford University Press. 272 p.

The Gwangju uprising (1980) [Электронный ресурс] URL: <http://libcom.org/history/1980-the-kwangju-uprising> (дата обращения: 09.05.2025).

Vanhanen, T. (1989) *The process of democratization: A comparative study of 147 states 1980–1988.* Crane Russak. 326 p.

Дата поступления: 12.05.2025 г.

*THE GRIMACES OF LIBERAL DEMOCRACY: THE DECLINE OF THE MODEL
OR THE FAILURE OF INCLUSIVE CONSOLIDATION?*

PART II

R. T. MUKHAEV

PLEKHANOV RUSSIAN UNIVERSITY OF ECONOMICS, MOSCOW UNIVERSITY FOR THE HUMANITIES,

E. E. PROKOPENKO

PLEKHANOV RUSSIAN UNIVERSITY OF ECONOMICS

The article continues the analysis of the causes, symptoms and forms of manifestation of the crisis of the modern model of liberal democracy, examines the possibilities of its adaptation to other socio-cultural and civilizational contexts, and identifies the potential of illiberal forms of democratic organization. Based on the methodology of comparative analysis, the factors of the reversibility of liberal democracy, the causes of the degradation of its institutions and the displacement of the discourse of democracy from the political agenda of the first half of the 21st century are identified. The possibilities of “new democracies” — alternative to the liberal version, their advantages and disadvantages, their ability to respond promptly to new challenges and threats — are revealed. An analysis of the illiberal democratic practices of the emerging political order allows the authors to conclude that an effective model of political structure is the form of democracy that is relevant to the national needs of a particular society, its cultural code, has an effective institutional mechanism for coordinating and technologies for the practical implementation of the growing diversity of interests of society.

Keywords: democracy; legitimacy; representativeness; liberalism; efficiency; political competition; human rights; unfree countries; indexes of democracy; authoritarianism; reversibility of democracy

REFERENCES

Konstitutsiia Respubliki Koreia [online]. Available at: <https://vseokoree.com/vse-okoree/zakony-i-normativnye-pravovye-akty/konstituciya-respubliki-koreya>.

Almond, G., Verba, S. (2024) *Grazhdanskaia kul'tura: politicheskie ustanovki i demokratiia v piati stranakh.* Moscow, Mysl'. 550 p.

Dal', R. *O demokratii* (2000) / transl. by A. S. Bogdanovskiy. Moscow, Aspekt-Press. 204 p.

Koreiskie cheboli [online]. Available at: <http://mojseul.ru/kompanii/chebol-v-koree.html> (access date: 11.05.2025).

Lipset, S. M., Sen, K.-R., Torres, D. Ch. (1993) Sravnitel'nyi analiz sotsial'nykh usloviy?, neobkhodimykh dlia stanovleniia demokratii. *Mezhdunarodnyi zurnal sotsial'nykh nauk*, no. 3. Sravnitel'naia politologija. Pp. 5–33.

- Mironova, T. N. (2024) Osobennosti kul'turnoi politiki Respubliki Koreia. *Znanie. Ponimanie. Umenie*, no. 2, pp. 143–154.
- O'Donnell, G. Delegativnaia demokratiia (1994). *Vek XX i mir*, no. 7–8.
- Reiting svobody interneta (2024) [online]. Available at: <https://gtmarket.ru/ratings/freedom-on-the-net> (access date: 11.05.2025).
- Reiting stran mira po urovniu politicheskikh i grazhdanskikh svobod [online]. Available at: <https://gtmarket.ru/ratings/freedom-in-the-world> (access date: 11.05.2025).
- Uroven' svobody pressy (2024) [online]. Available at: <https://statbase.ru/datasets/indexes-and-ratings/press-freedom-index/> (access date: 11.05.2025).
- Khantington, S. (2003) *Tret'ia volna demokratizatsii v kontse XX v.* Moscow, ROSSPEN. 367 p.
- Shmitter, F. (2015) Protseess demokraticeskogo tranzita i konsolidatsiia demokratii. *Polis: Politicheskie issledovaniia*, no. 5, pp. 30–51.
- Bedeski, R. E. (1994) *The transformation of South Korea. Reform and reconstitution in the six Republic under Rob Tae Woo, 1987–1992.* 208 p.
- Dye, T., Zeigler, H. (1990) *The Irony of Democracy.* Bolmont. 432 p.
- Lipset, S. M. (1959) Some social requisites of democracy: Economic development of political legitimacy. *American political science revue*, vol. 53, no. 1, pp. 69–105.
- O'Donnell, G., Schmitter, Ph. (1986) *Transitions from Authoritarian Rule.* JHU Press. 256 p.
- Pettis, M. (2010) *The Volatility Machine: Emerging Economies and the Threat of Financial Collapse.* Oxford University Press. 272 p.
- The Gwangju uprising* (1980) [online] Available at: <http://libcom.org/history/1980-the-kwangju-uprising> (access date: 09.05.2025).
- Vanhanen, T. (1989) *The process of democratization: A comparative study of 147 states 1980–1988.* Crane Russak. 326 p.

Submission date: 12.05.2025.

Мухаев Рашид Тазитдинович — доктор политических наук, профессор, профессор кафедры политического анализа Высшей школы социально-гуманитарных наук РЭУ им. Г. В. Плеханова, профессор кафедры рекламы и массовых коммуникаций Московского гуманитарного университета. Адрес: 115054, Российская Федерация, г. Москва, Стремянный переулок, д. 36. Тел.: 8 (495) 800-12-00. Эл. адрес: Muhaev_r@mail.ru

Прокопенко Елена Евгеньевна — кандидат политических наук, доцент кафедры политического анализа Высшей школы социально-гуманитарных наук РЭУ им. Г. В. Плеханова. Адрес: 115054, Российская Федерация, г. Москва, Стремянный переулок, д. 36. Тел.: 8 (495) 800-12-00. Эл. адрес: apro2009@yandex.ru

Mukhaev Rashid Tazitdinovich, Doctor of Political Science, Professor, Professor, Department of Political Analysis, Higher School of Social Sciences and Humanities, Plekhanov Russian University of Economics, Professor, Department of Advertising and Mass Communications, Moscow University for the Humanities. Postal address: 36, Stremyanny Ln., Moscow, Russian Federation, 115054. Tel.: 8 (495) 800-12-00. E-mail: Muhaev_r@mail.ru

Prokopenko Elena Evgenievna, Candidate of Political Science, Associate Professor, Department of Political Analysis, Higher School of Social Sciences and Humanities, Plekhanov Russian University of Economics. Postal address: 36, Stremyanny Ln., Moscow, Russian Federation, 115054. Tel.: 8 (495) 800-12-00. E-mail: apro2009@yandex.ru